

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

Я ЕДУ ДОМОЙ!

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Иллюстрация на обложке *Олега Горбачика*

Круз, Андрей.
К84 Я еду домой! / Андрей Круз. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. — (Боевая фантастика Андрея Круза).

ISBN 978-5-04-205718-2

Апокалипсис настал – улицы заполнили мертвые, выползшие из могил. Последний день оказался страшнее всех предсказаний. Живым остается только сражаться, чтобы не пополнить ряды нежити.

Мир разваливается на части, главный герой, наш соотечественник, оказывается отрезанным от семьи и родной страны. Теперь их разделяют легионы Смерти, пустошь и разруха. Чтобы вернуться к любимым, ему придется прорываться с боем через эпицентр апокалипсиса. Он уверен, что преодолеет любые трудности, потому что его ждут дома и он дал обещание – вернуться домой.

Культовый роман Андрея Круза, который входит в популярный цикл вселенной «Эпохи мертвых».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205718-2

© Круз А., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

21 марта, среда, утро

Округ Юма, штат Аризона. Юго-западный угол этого без затей прочерченного прямыми линиями по пустыне штата, протянувшегося от Невады до Нью-Мексико, прижатого сверху мормонской Ютой и поджимаемого снизу мексиканской границей. Жара, песок, сухой колючий кустарник, искусственно высаженные апельсиновые рощи, каменистые холмы, песок, чахлая растительность. Авиабазы морской пехоты. Полигон национальной гвардии. Граница. Нелегалы. С Москвой девять часов разницы во времени и примерно тридцать градусов в температуре. Жарко здесь, очень жарко. И скучно.

Медвежьи углы бывают у нас, в России, а здесь медведи хоть и водятся, но мелкие и мало. Назвал бы угол в честь койота, каких тут множество, да неуклюже получается. Глухомань, короче. Я уже здесь год, и сколько придется торчать — один бог ведает. Надеюсь, не больше нескольких месяцев. А что поделаешь — работа. Принесла меня нелегкая сюда, в Америку, кому-то, может, и на зависть, а завидовать-то вовсе и нечему. Америка бывает разная — бывает та, что Лос-Анджелес с Нью-Йорком, даже в Аризоне случается современный Феникс со своими богатыми пригородами, но бывает и Юма.

Когда-то Юма считалась воротами Калифорнии. Именно через нее текли тысячи переселенцев, едущих в «апельсиновый штат» искать лучшей доли. Они прибывали по реке Колорадо, тогда еще не разделенной

многочисленными плотинами на озера и чахлые ручьи, пароходами, поездками по легендарной Юнион Пасифик, здесь на тот момент заканчивавшейся, — в общем, оживленное было место. Было. Теперь это маленький город посреди ничего. Около восьмидесяти тысяч жителей. Все здесь жалуются на скуку, плохих водителей — что есть, то есть: привыкли ездить по пустыне куда черти понесут, — активность мексиканских банд и высокую для таких краев преступность. И это тоже правда. Граница под боком, а здесь она еще в таком «кармане», что путей перехода множество, охраняется она плохо, волокут через нее контрабанду мешками, нелегалы идут толпами, по пути приворовывают все, что плохо лежит. Полиция за ними гоняется, но без большого успеха. Полиция тоже больше чем наполовину из мексиканцев, но, в общем, в потакании землякам не замечена. Конкуренция: чем больше придет с той стороны, тем меньше всего останется этим, на этой стороне.

Самый южный город округа Юма — Сан-Луис, американская часть поделенного пополам мексиканского городка Сан-Луис де Рио Колорадо. Как и его мексиканская половина, этот пыльный и небогатый городишко, построенный между несколькими промзонами, населен в большинстве своем смуглыми людьми, полагающими родным языком испанский. Оттуда же расходится по всей Америке немалая часть нелегалов и контрабандного добра — мексиканский картель Хуарез настолько прочно здесь засел, что в мексиканском Сан-Луисе есть даже улица Хуарез, как раз в честь него и названная. Она, что характерно, зажата между улицей Либертад, что означает Свобода, и улицей Революсьон, название которой переводить даже не надо.

Сам же Сьюдад Хуарез тоже расположился неподалеку, как раз напротив техасского Эль-Пасо, а в Сан-Луисе у него лишь филиал. Еще в Сан-Луисе успешно функционируют сразу четыре весьма агрессивные молодежные

банды, которые преимущественно занимаются контрабандой, но не брезгают периодически грабить и воровать в самой Юме, воевать между собой и вообще причинять как можно больше проблем окрестностям. По наглости они значительно превосходят полицию, по вооруженности ей не уступают, а для тех, кто вообще переходит границы разумного, есть еще и государственная граница: перебрался через нее — и ты в безопасности. А до рубежа из Сан-Луиса рукой подать — в самом прямом смысле этого слова.

Еще банды активно режутся между собой, потому что, по слухам, пару из них втихую поддерживает картель Гольфо, а еще две верно служат картелю Хуарез. Так что противоречия между ними лежат глубокие, непримиримые, а если точнее, то спорят они о направлении движения торговых потоков.

Вообще граница — главная головная боль местных властей. Сити-холл Юмы даже предоставляет льготное жилье всем, кто нанимается в «Бордер Патрол»: надеются таким образом остановить бесконтрольное хождение в обе стороны. Кстати, я так и не могу понять, что мешает им вместо стены, которую перелезть можно без проблем, и вальяжного патрулирования на машинах вдоль нее не взять на вооружение опыт товарища Карацюпы с четвероногим другом Ингусом, то есть провести контрольно-следовые полосы, организовать заставы и секреты... — у нас-то граница была на замке.

Население самой Юмы наполовину мексиканское, наполовину белое. Негров почти нет. Зато есть индейская резервация племени Кокопа, в которой вальяжно живут около тысячи человек, пользуясь доходами аж с трех казино — главного бизнеса индейских резерваций.

Все дешево, потому что сюда никто не едет. Женщины все больше некрасивые, нечесанные, без косметики, неухоженные. Волосы в жменю взяла, заколкой заколола, напялила растянутую майку с застиранными шортами,

крэссэвки нэ вэснущэты нэги и пэшлэ. Здэсь этэ зовэтсэ «эстэснэвннэу крэсэтой», пэдузрэвэу, пэ принципу: «Чтэ эстэснэвннэ — тэ нэ бэзобрэзнэ».

Дэ и толстэвэты они в сэвэй массэ — нэ в моэм вкусэ, прэмо сэжэм. Мы, русские, избэлэвэны жэнской крэсэтой и зэчэстэу, пэпэдэ в иныэ крэя, испытывэем от ээ отсу́тствия кульгурный шок. Жэнэ-крэсэвицэ, ухэжэнной и элэгэнтной, мэстныэ англосаксонки в пэдмэтки нэ гэдэты, тэчтэ моэ супружэскаэ вернэстэ здэсь крэпнэт дэнэ отэ днэ. Раньшэ жэнэ опэсэлэсь мэнэ здэсь бросэть одного, нэ пэслэ пэслэднэгэ визитэ явнэ успэкоилэсь, понэяв, чтэ конкүрэнток здэсь нэт и бьтэ нэ можэт.

Мэкзикэнки тэжэ ужэ вэсэ бэольшэ многосэмейныэ и многэдэтныэ, дэ и с индэйской кровьёу, корэнэстыэ, нэвысэкиэ. Корочэ, настэлько отсу́тствуют соблэзны, чтэ я лүчшэ бэду чэстнэ смотрэтэ в глэзэ сэмьэ, когдэ ээ нэконэцэ увижу.

Сэмьэ в Москвэ. Стэрший мэлчйишкэ в шкolé, млэдший — в дэтском сэдэ. Мэнэть, пүсть дэжэ нэ гóд, хорóшую москóвскую шкóлу нэ зэхолүстнүю аризонскую нэ стэли. И прэвильнó сдэли. Я вóт тэжэ ждү нэ дóждүсь, когдэ можнó бүдэт сэчэт дэлó рэботэющйм и эхэть дóмóй, пэявляясь здэсь пóтом с нэчэстыми визитэми.

Кэчэ сюдэ зэнэслó? Пóчти слүчэйнó: придүмэли нэкую пóлимэрнүю сэткү, удэрживэющүю влэгу в сүхóй пóчвэ, а зэодно укрэплэющүю бóкэ дрэнэжных кэнов. Нэ я придүмэл, дүругиэ, я тóлько в прóизводствó вэзлэсь зэпүститэ. В Москвэ влэгу тóчно удэрживэть никóму нэ нэдó — тэм ээ дэвэть нэкүдэ, а здэсь этó — дэлó нэсүщнóе. Рэзүмэтсэ, оно нэ тóлько в Аризонэ нэсүщнóе, нэ и многó гдэ эщэ, дэ слүчэйнó отсюдэ пэрвый бóльшой зэкэз прйшэл, вóт я и прйлэтэл. Прóизводствó, блэго оно сóвсэм нэбóльшóе, рэзмэстили в Мэкзикэ, нэпóдэлэку сóвсэм, а америкэнцы сэткү пóкүпэют, тэчтэ здэсь у нэс торгóвэя бэзэ. Пóтом и из Нэвэдэ лүди стэли прйобрэтэть, а тэпэрь и из Ньё-Мэкзикó зэкэзчйики пóдкэтили. И вы-

шло, что именно здесь работа пошла, а раз пошла, то я и застрял.

У меня работают три человека. Главный человек после меня — Джек Симмонс. Белобрысый, незагорающий, поэтому с вечно красной физиономией, пробивающейся из-под жидких волос лысиной. Он — менеджер, он главный, он продает, и вообще человек настолько незаменимый, что недавно я сделал его партнером. У него есть недостаток: Джек настолько зануден, что даже я стараюсь его избегать по возможности. Еще его избегает бывшая жена, которая лишь тянет с него алименты, общаясь через адвоката.

Еще у меня работает помощницей упитанная веселая девушка Тереза Гонсалес, с сильной примесью индейской крови, делающей ее похожей на старые ацтекские статуи, которая сидит на телефоне, хихикает и общается с клиентами. Мексиканский акцент у нее отсутствует почти полностью, зато она сама разбирает любые акценты.

А еще есть Пабло. Паблито. Маленького роста тощий мексиканец с густыми усами, отец шестерых детей, муж скандальной жены, вечно сидящий без денег, но на жизнь не жалующийся, шутник и оптимист. Он у нас монтер, водитель фургона, экспедитор. Я стараюсь платить ему побольше, заставляя Джека закрывать ему сверхурочные, когда таковых и в помине нет. Джек злится, но делает. Паблито, судя по всему, это заметил, потому что стал по отношению ко мне подчеркнуто дружелюбен и по-доброму услужлив. Еще ему нравится, что я говорю не только по-английски, но и на испанском. А больше у нас и нет никого. Есть еще небольшой склад и офис в трейлере, где всем заправляет Джек.

Сбился. Так что делать в Юме, штат Аризона? Искать себе развлечения. Какие? Первая мысль приходит сразу — здесь все же Дикий Запад, все с револьверами и винчестерами, можно стрелять. Есть тир при оружейном магазине «Спрэгс Спортс», и у этого же самого Уилла Спрэга есть стрельбище, где палят из всего, что существует в природе:

от револьверов одинарного действия в ковбойском стиле до пулеметов — в Аризоне, если расстараться, можно стать владельцем любого оружия, даже «третьего класса» — на этот счет здесь просто.

У Спрэга оружие дают в аренду, чем я и пользуюсь: в этом ничего незаконного нет. А еще дают уроки, от которых я тоже не отказываюсь. Пару раз даже приезжал Тодд Баррет — чемпион Америки по практической стрельбе из пистолета, самой «житейски полезной» стрелковой дисциплине. И к нему на уроки я походил. Да и другие инструкторы неплохи, грех жаловаться. По крайней мере, от них я услышал много откровений, которые смыли и стерли мой старый, весьма ограниченный опыт стрельбы из служебного «Макарова». Посмотри на меня тогда, при сдаче нормативов, и сейчас — теперь я просто Дикий Билл Хикок¹. И двигаюсь, и паляю на ходу, и попадаю, и вообще, развлекаюсь, как могу. Всегда стрельбу любил и в Москве по мере возможностей ею занимался, только вот с пистолетной стрельбой там большие проблемы. А жаль.

Походил даже на занятия по городской тактике, где ты изображаешь из себя спецназовца, топая, пригнувшись, с дробовиком или пистолетом-пулеметом по лабиринтам, расстреливая мишени. Интересно, прямо детская игра в войнушку.

На патроны уходит куча денег, эдак по двадцать долларов за пятьдесят штук, если к пистолету, но поскольку других трат у меня немного, то могу себе такую блажь позволить.

Чуть позже я обнаружил еще одно развлечение, которым увлекся, — я начал брать уроки пилотирования в аэроклубе, расположившемся в маленьком аэропорту Уэл-

¹ Дикий Билл Хикок — легендарная личность времен Гражданской войны в США: по одной версии, вспыльчивый меткий стрелок, чуть ли не бандит, по другой — справедливый шериф, боровшийся с бандитизмом. Возможно, и то и другое. — *Здесь и далее примеч. авт.*

тона, что километрах в пяти к западу от моего дома. Не то чтобы я собирался покупать самолет, но удовольствие от учебных полетов было уже достаточным вознаграждением. Инструктор по имени Дейв брал с меня тридцать пять долларов в час, за что взамен взялся провести обязательный сорокачасовой курс, достаточный для получения лицензии пилота-любителя.

Учеником я оказался способным, особенно учитывая, что в свое время окончил Московский авиационный институт и занимался в студенческом аэроклубе, то есть теоретическую часть летного дела знал не хуже самого инструктора, так что к окончанию курса я вполне лихо и аккуратно пилотировал клубный «Пайпер Команч». Да и получив лицензию, частенько приезжал на аэродром, чтобы полетать — очень уж увлек процесс, хоть сами полеты обходились в копейчку.

В общем, искал я себе занятия в этой самой Юме, потому что в противном случае оставалось только сидеть за компьютером или пиво глушить. А в больших количествах и то и другое вредно.

*21 марта, среда, все еще утро.
Округ Юма, штат Аризона, США*

День начался как обычно — я вывел из гаража свой эндуро, или, как их называют в Америке, «грязевой байк»: шестисоткубовую «Ямаху Экс Ти», оставив ее молотить вхолостую на подъездной дорожке, а сам вернулся, чтобы подтолкнуть постоянно заедавшие ворота. Так и не могу собраться их подрегулировать. Когда едешь на работу, заниматься этим некогда, а когда приезжаешь домой, то уже неохота. Все время откладываешь, откладываешь — так и подталкиваешь рукой из месяца в месяц. Позор. А дело на пять минут наверняка.

Кстати, о доме — он по размерам такой же, как и мой московский, арендовал его с мебелью, и неплохой, что

не так часто бывает, а плачу я за него чуть больше тысячи долларов в месяц. Тоже показатель того, что округ Юма — глухомань. Впрочем, я даже не в самом городе Юме живу — там дороже, а именно в округе, в крошечном городишке Уэлтоне, в гольф-клубе, раскинувшемся на ручье под совсем не романтическим названием Койотова Купальня, где я даже начал поигрывать в эту аристократическую игру. Точнее, уроки брать: в гольф играть с кондачка не научишься. А что делать? Скучно здесь.

Дом в аренду я нашел не столь по соображениям престижа, сколько по удобству поездок на работу, ну и цена понравилась. Когда жена была здесь, только морщилась, глядя на окружающий пейзаж. То ли дело у нас в Подмосковье, с видом на водохранилище и сосновый лес. За пределами гольф-комьюнити, которое тоже красотой не поражает, рай заканчивался. За федеральным шоссе номер восемь были апельсиновые плантации и промзона, где и располагался наш склад. Там же раскинулись два трейлерных парка: один — для проезжих туристов, асфальтированный и расчерченный белыми полосами, где стояли редкие сверкающие «RV», и второй — оседлый, где в старых развалюхах, давно никуда не ехавших, называемых мобильными домами, селилась все больше всякая шваль вроде сезонных рабочих. Поэтому шоссе выступало естественным водоразделом между относительным богатством и бедностью, причем бедностью отнюдь не той, которую классики именовали «благородной».

С противоположной стороны тянулись поля, владельцы которых и закупали нашу сетку. Вода здесь в дефиците, а сетка помогает ее экономить. Найти бы еще средство, которое помогло экономить им пестициды... По слухам, ничего из того, что было выращено здесь, в рот и брать нельзя было: сплошная химия. Но я над этим слишком не задумывался, полагая, что от судьбы не сбежишь, а лишь избегал покупать полуфабрикаты.

Закрыв все же ворота, я сел на мотоцикл и рванул с места, чуть приподняв его на дыбы. Одна радость от пребывания здесь — мотоциклетный сезон круглый год, и есть где погонять на «эндуре», потому как вся пустыня в моем распоряжении. Разумеется, когда жена приезжала, приходилось брать машину в прокат, но пока в гараже лишь мотоцикл с велосипедом место занимают.

Вчера утром около часа проболтал по телефону с женой, потом весь день настроение было почти убитым. Услышал ее голос — она еще поплакала, дала с мальчишками поговорить... Тяжело столько времени без них, на стену уже лезу. Пусть они здесь летом были, а жена еще и позже прилетала, но тоска ужасная. Мальчишки там без меня растут, а я, понимаешь, сетку дренажную местным фермерам продаю. А что делать? По-другому продавать не получилось.

Сегодня настроение хоть немного поправилось, да и день ожидался хлопотный. Большой заказ нам подкинули, который с трудом разруливался с производством, — надо было что-то решать. Вот я и выехал сегодня пораньше. Солнце только поднималось, светя мне прямо в глаза, пока я выруливал по Колорадо авеню к Уильямс, которая вела к мосту, перекинувшемуся через шоссе. Было ветрено, по серому асфальту дороги несло песок, которого тут было от края и до края. К вечеру ветер может совершенно разгуляться, и начнется настоящая песчаная буря — мерзкое явление, если честно. Потянет как из печки с севера, из пустыни Мохаве и одноименного округа, понесет песок и пыль, закроет небо, потемнеет... гадко.

Когда я уже почти заехал на мост, прямо за спиной у меня взвыла сирена. Я притормозил, полагая, что кому-то вздумалось остановить меня, но оказалось, что ошибся. Мимо пронесся на большой скорости черно-белый полицейский «Хаммер» второй модели — и на таких здесь катается полиция. Неслись они энергично, меня даже волной воздуха качнуло, мигали разноцветными «люстрами».

Перед оросительным каналом в глубоком крене полицейская машина свернула налево, на Тир-Дроп-роуд, в сторону трейлерного парка. Опять там что-то случилось — кто-то кого-то пристрелил или зарезал. На кражи и прочее подобное полиция туда не катается — их просто не зовут. Или пьяная драка между соседями, или что-то в таком духе. Эти драки обычно плавно перетекают в поножовщину.

Редкий мексиканец в трейлер-парке не носит ножа, а живущие в Сан-Луисе холодному оружию предпочитают автоматы Калашникова, которых в виде китайских, румынских и польских клонов осело в этих краях немало. А мексиканские банды сделали из нашего «калаша» настоящий фетиш — для них он символ революции и борьбы с той самой Америкой, в которую они переселились. Хотя никакого противоречия для них в этом нет. В свое время США эту землю отобрали у Мексики, а теперь мексиканцы считают свое переселение в эти края лишь восстановлением исторической справедливости, к чему их, кстати, весьма активно подталкивает мексиканское правительство. Реконкиста идет полным ходом, и идеи об отделении от США с организацией государства Ацтлан носятся в воздухе. Впрочем, всерьез их никто не воспринимает.

Я проскочил поворот к трейлер-парку, прокатил мимо высаженных стройными рядами апельсиновых деревьев, как раз и дававших работу его обитателям, выехал на Лос-Анджелес авеню — широкую и пыльную улицу, тянущуюся между сетчатыми заборами с выросшими вдоль них сухими кустами. Заборы огораживали территории складов, крошечных фабрик по упаковке цитрусовых, склада стройматериалов Тиллмана, фабрички по разливу пальмового масла и прочей подобной дряни, на которой в дешевых закусовых поджаривают начинку для бургеров, склад сельскохозяйственных химикатов компании «Гован», с которого их раскупали все окрестные фермеры, и так далее. Даже крошечная нефтебаза была, чуток поодаль. Ветер нес по улице пыль, шары перекаати-поля, рваную оберточную бу-

магу, какой-то мусор — в общем, выглядело все достаточно уныло. Сыпануло мелким песком, так что я вынужден был щиток шлема немного опустить. За Лос-Анджелес авеню раскинулся песчаный пустырь, за которым уже выстроились ряды обшитых сайдингом домов местных обитателей.

Я проскочил до самого конца улицы, где привольно раскинулись еще три трейлер-парка, один из которых носил гордое название «Наконечник стрелы», а второй именовался, как здесь часто бывает, в честь одного из «отцов-основателей», в глубоком крене, покуражившись, свернул влево и оказался у решетчатого забора с воротами, за которыми стоял наш офис-трейлер. Все, приехал. Остановился перед воротами, огляделся. Я вообще имею привычку в этом месте всегда оглядываться, поскольку здесь соседство не слишком вдохновляющее.

И опять оказался прав. Среди трейлеров стояли фургон «Скорой помощи» и две полицейские машины — еще один «Хаммер» и «Краун Виктория». И тут что-то случилось.

Из фургона появился Джефф — бывший инструктор с полигона национальной гвардии, теперь работающий частным охранником. По ночам он дежурил у нас в офисе, охраняя склад — не только наш, а целый квартал складов, но базировался у нас. И им удобно — Джеффа и его сменщиков я имею в виду, — да и нам тоже хорошо. Забраться сюда пытались не раз, хотя совершенно ничего ценного для себя обитатели трейлеров найти бы не могли. На кой черт им мотки темно-зеленой полимерной сетки? Разве что украсть компьютер с телефоном из самого офиса.

Джефф отпер ворота и закрыл их за мной, когда я заехал на территорию. На нем была полувоенная серая форма, которую носили все в их агентстве, на поясе висела кобура с пистолетом — старым добрым «Кольтом 1911» «правительственной модели». В этом Джефф был консерватором, потому что все остальные его коллеги из охранного агентства ходили с новомодными «глоками». С другой стороны на поясе висели деревянная дубинка и наручники.